

*Aleksey Anisimov, Dr.iur., professor
Volgograd Institute of management
Branch of Russian presidential Academy of national economy
Public administration under the President of Russian Federation
Russian Federation*

To the question on the necessity of unification of terminology of EU and Russia in the sphere of private and Public Law

Abstract. The article provides evidence of considerable terminology discrepancies between Russia and the EU on a number of issues of private and public law that interfere with the movement of capital and international cooperation on global problems of modern age. From this perspective, the author considers it necessary to form a common legal area across the EU and Russia; at that the legal proceedings and the relating terminology in the EU and Russian Federation do not have to be the same. The unification in question should be carried out taking into account the specifics of national legal systems while keeping intact statutory concepts that meet the imperatives of time.

Keywords: unification; property rights; superficies; eco-terrorism; business.

*Алексей Анисимов Dr.iur., профессор
Волгоградский институт управления
Филиал Российской академии народного хозяйства
Государственная служба при Президенте РФ
Российская Федерация*

К вопросу о необходимости унификации терминологии России и ЕС в сфере частного и публичного права

Аннотация. В статье приводятся доказательства того, что между Россией и странами ЕС и США существуют значительные терминологические расхождения по ряду вопросов частного и публичного права, что мешает движению капиталов и международному сотрудничеству по глобальным проблемам современности. В связи с этим, автор считает необходимым формирование единого правового пространства ЕС и России, причем речь не идет о том, чтобы все правовые процедуры и отображающая их терминология в ЕС и России были одинаковы. Такую унификацию следует проводить с учетом специфики национальных правовых систем и с сохранением правовых конструкций, соответствующих требованиям времени.

Ключевые слова: унификация; вещные права; суперфиций; экологический терроризм; бизнес.

Постановка проблемы

В современную эпоху глобализации многие актуальные проблемы не могут быть решены иначе, чем совместными усилиями всех (или большинства) стран мира. Для этого, в первую очередь, требуется политическая воля правительств этих стран, с чем часто возникают проблемы: например, в части сотрудничества в области смягчения последствий глобального изменения климата. Но даже в тех случаях, когда политическое руководство искренне старается наладить конструктивный диалог, очень часто большие затруднения вызывает «нестыковка» терминологии и правовых процедур, обозначаемых этой терминологией, существующих в различных правовых системах.

Несомненно, абсолютная унификация правовой терминологии во всех странах мира невозможна и не нужна. Однако между двумя полюсами - абсолютная унификация и абсолютная «национальная оригинальность», существует множество промежуточных уровней и ступеней. Типичным примером излишней оригинальности является нормативно закреплённая в Российской Федерации отличная от Европы и США ширина железнодорожной колеи. Во многих странах Европы, в Китае и США размер железнодорожной колеи составляет 4 фута и 8,5 дюймов, то есть 1435 мм. В Российской империи (а затем в СССР) ширину колеи сделали 1520 мм, что сохранилось и сейчас, в том числе и в республиках бывшего СССР [1]. Однако подобная «особость», кроме проблем транспортного сообщения, для России больше ничего не принесла. В связи с этим, у любой страны мира есть необходимость определить баланс между этими двумя крайностями: «раствориться» в международном праве или праве крупных международных организаций (таких, как Европейский Союз) или сохранить свою национально-идентичную правовую терминологию.

Представляется, что унификация требуется не для всех терминов и правовых процедур (особенно в частном праве). Например, нет оснований во всех странах мира определять каким-то одинаковым образом этапы заключения договора аренды земельного участка по итогам торгов. Однако в целях привлечения инвестиций, повышения эффективности сотрудничества правоохранительных и природоохранительных

(как минимум) органов необходимо четко понимать предмет такого сотрудничества. В противном случае, если не совпадает терминология, даже при наличии политической воли правительств такое сотрудничество будет проблематичным. Проведение такой работы по унификации терминологии позволит избежать многих трудностей в ходе международного диалога, равно как и проблем для иностранных компаний в сфере защиты прав предпринимателей.

В связи с этим необходимо заранее привести законодательство ведущих стран мира «к общему знаменателю», используя наиболее удачные нормативные решения одних стран, и адаптируя их к праву других стран с учетом особенностей их национального менталитета и правовой культуры. И здесь сильно возрастает роль правовой науки, которая может подготовить для публичного обсуждения такие актуальные решения, которые могут стать предметом парламентских слушаний (обретая затем форму соответствующих законопроектов) или быть положены в основу проектов международных соглашений.

Актуальность темы исследования

В последнее время постепенно осуществляется процесс унификации европейского и российского законодательства, что проявляется в изменениях российского права после присоединения Российской Федерации к Европейской конвенции по правам человека 1950 г., вступления России в ВТО и т.д. Типичным доказательством такого взаимовлияния являются многочисленные упоминания Конституционным Судом РФ решений Европейского Суда по правам человека по самым разным вопросам [2], не говоря уже о прямых заимствованиях европейских правовых конструкций, которых не было в СССР, например, сервитута. Эту тенденцию следует продолжить.

В ходе такого обсуждения необходимо иметь в виду сложность межкультурной коммуникации, проблемы точности перевода и унификации подлинного смысла используемой представителями разных стран и правовых семей юридической терминологии.

Цель статьи – провести сравнительный анализ терминологии, обозначающей

ограниченные вещные права на земельные участки (в рамках частного права), а также унификации терминологии в сфере природоохранной деятельности (в публичном праве) на примере особо охраняемых природных территорий и экологического терроризма.

Основная часть

В эпоху глобализации повсеместно происходит проникновение частного капитала в страны с различными правовыми системами. Безусловно, для инвестора имеет большое значение состояние законодательства такой страны и эффективность работы ее судебной системы. При этом одним из не менее важных показателей привлекательности страны для иностранных инвесторов будет являться система действующих в ней вещных прав на недвижимость. Наиболее наглядно суть этой проблемы видна на примере России. До совершения большевиками 25 октября 1917 г. социалистической революции, в Российской империи существовала система видов прав на недвижимость европейского типа, имевшая наибольшее сходство с немецкой правовой системой. Совершив революцию, советское правительство заявило о построении государства нового типа, в котором не будет эксплуатации и частной собственности.

Для этого Декретом о земле от 26 октября 1917 г. частная собственность на землю была отменена, и на долгие годы в СССР было введено господство исключительной государственной собственности на землю. Однако государство в лице своих чиновников не может само обрабатывать землю. Ввиду отсутствия фермеров и частного бизнеса, земельные участки в СССР стали передаваться в административном порядке колхозам и совхозам на неизвестном всему миру титуле – праве постоянного (бессрочного) пользования, который впоследствии отнесли к числу вещных прав. Уже в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. подробно регулировалось землепользование совхозов, сельскохозяйственных артелей и коммун, товариществ по общественной обработке земли. В окончательном виде право бессрочного пользования сформировалось после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов». В

Основах земельного законодательства Союза ССР и союзных республик 1968 г., а также принятом в соответствии с ними Земельном кодексе РСФСР 1970 г. закреплялся принцип бесплатного землепользования колхозов, совхозов, иных сельскохозяйственных предприятий, организаций, учреждений и граждан СССР.

Смысл введения такого необычного вида прав на землю имел не экономическое, а исключительно политическое и идеологическое значение - показать народам всего мира «прогресс» в социалистическом землепользовании, отсутствие «эксплуатации человека человеком». Не вдаваясь сейчас в политические и исторические вопросы, замечу, что после 1991 г., когда распался СССР, и идея построения коммунизма сама собой исчезла, зародившийся в первые годы советской власти такой идеологический вид прав на землю, как постоянное (бессрочное) пользование, сохранился и существует до сих пор.

В 1990 г. к нему присоединился еще один идеологический вид прав на землю (только порожденный другой политической идеологией - перестройки) – право пожизненного наследуемого владения, который был введен в земельные отношения как компромисс между правом частной собственности и правом постоянного (бессрочного) пользования. При этом переходный период давно закончился, а этот странный вид вещных прав на землю остался. Как отмечал С.Г. Певницкий, сегодня отсутствует необходимость в праве пожизненного наследуемого владения земельным участком, поскольку все большее значение сейчас приобретают обязательственные права. Право пожизненного наследуемого владения земельными участками может существовать только в «переходном» Земельном кодексе РФ, и от этого сомнительного необоснованного права надо отказаться в будущем [3, с.23-25]. С таким утверждением согласны и другие авторы. Так, С.П. Гришаев указывает, что право пожизненного наследуемого владения носит искусственный характер, оно не был присуще советскому земельному праву или дореволюционному российскому праву. Никаких экономических задач его введение также не решило. Поэтому в условиях широкого предоставления гражданам земельных участков в собственность вызывает сомнения необходимость существования этого вида прав на землю [4].

Представители противоположной научной концепции считают, что право пожизненного наследуемого владения «является одним из альтернативных титулов землепользования, способных вполне адекватно регулировать соответствующие общественные отношения» [5, с.281]. При этом они часто ссылаются на труды дореволюционного русского цивилиста И.А. Покровского, отмечавшего, что одним правом собственности мог бы удовлетвориться только самый примитивный экономический быт [6, с.206].

Попытаюсь обозначить свою позицию в этой научной дискуссии. Итак, в чем особенность этих двух ограниченных вещных прав на землю, которые не имеют аналогов нигде в мире, и которые нельзя адекватно перевести на любой язык, и почему России необходимо отказаться от такой «правовой оригинальности» и перейти на европейские стандарты вещных прав? Представляется, что перечень вещных прав, установленный Гражданским кодексом России, является далеко не полным, что существенно обедняет имущественный оборот. В указанном перечне отсутствуют такие традиционные и признаваемые развитыми правовыми порядками вещные права, как право застройки, usufruct, эмпфитевзис и многие другие. Гражданский кодекс РФ и Земельный кодекс РФ содержат следующий набор ограниченных вещных прав на земельные участки – право постоянного (бессрочного) пользования - для государственных и муниципальных учреждений; казенных предприятий; центров исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий (имеют организационно-правовую форму фонда); органов государственной власти и органов местного самоуправления (ст. 39.9 ЗК); право пожизненного наследуемого владения – для граждан (впервые не предоставляется); сервитут.

Относительно круга субъектов права постоянного (бессрочного) пользования было высказано много критических замечаний, однако применительно к целям и задачам данной статьи хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. В научной литературе высказывается негативная оценка такому субъекту права постоянного (бессрочного) пользования, как органы государственной власти и органы местного самоуправления,

«поскольку ни один закон не устанавливает такой организационно-правовой формы юридического лица» [7, с.14]. Более того, упоминание в числе землепользователей органов публичной власти выглядит весьма странным потому, что данные субъекты не осуществляют сами непосредственно хозяйствования на земле, в связи с чем, закрепление за ними конкретных земельных участков невозможно. Обратим внимание, что в ст.5 ЗК РФ среди субъектов земельных отношений упоминаются Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования, но не их органы. Из этого следует, что в разных статьях ЗК РФ законодатель воспринял различные и давно обсуждаемые в цивилистической литературе теории публичного образования как субъекта права. Поскольку обсуждение этих теорий как таковых выходит за рамки данного исследования [8, с.117; 9, с. 34], заметим лишь, что дискуссия ведется по вопросу о том, кто является субъектом гражданских прав – непосредственно публичное образование или его органы. В нашем случае разработчики Земельного кодекса Российской Федерации восприняли сразу обе концепции.

Что представляет собой право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком? Как видно из самого его названия, оно означает возможность использовать земельный участок (извлекать его полезные свойства в соответствии с целевым назначением земли) без установления конкретного срока такого пользования. В этом его отличие от временного безвозмездного пользования земельным участком, хотя бессрочное пользование осуществляется также безвозмездно. Бесплатный характер пользования позволяет отграничить его от договора аренды земельного участка; при этом постоянное (бессрочное) пользование осуществляется в отличие от аренды не на договорной основе. Не допускается внесение права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком в уставные (складочные) капиталы коммерческих и некоммерческих организаций. Правом постоянного (бессрочного) пользования земельным участком могут наделить только исполнительные органы государственной власти или органы местного самоуправления (частный собственник не может передать свой участок другому лицу на этом праве).

Право постоянного (бессрочного) пользования и право пожизненного

наследуемого владения не предоставляют их обладателям правомочия распоряжения, за исключением возможности перехода по наследству права пожизненного наследуемого владения.

В других республиках бывшего СССР сложилась несколько иная ситуация. Например, в силу пункта 4 статьи 35 Земельного кодекса Республики Кыргызстан [10], земельный участок, находящийся в пользовании, может переходить по гражданско-правовой сделке: находящийся в бессрочном (без указания срока) пользовании - в бессрочное (без указания срока) или срочное (временное) пользование; находящийся в срочном (временном) пользовании - на оставшийся срок срочного (временного) пользования.

В отличие от Республики Кыргызстан, в России есть лишь один вариант развития рассматриваемых ограниченных вещных прав – переоформление их в собственность (поскольку право землепользования может возникнуть впервые у очень узкого круга лиц, а право землевладения – только у граждан по наследству). И тут возникает еще один неразрешимый терминологический вопрос. Дело в том, что европейские правовые порядки не знают таких терминов, как «предоставление земельных участков» или «переоформление земельных участков». Единственный существующий в ЕС похожий термин – это приватизация земельных участков. Такой термин есть и в Российской Федерации (в том числе применительно к земельным участкам), что порождает еще больший терминологический хаос.

Таким образом, существующий набор ограниченных вещных прав на земельные участки явно несовременен, не отвечает потребностям российского гражданского оборота. Он не рассчитан на значительное число отношений в связи с использованием земельных участков из состава государственных или муниципальных земель (под застройку большинством субъектов) и, за исключением сервитутов (которые не предоставляют владения земельным участком, а предполагают лишь ограниченное пользование им), не рассчитан на отношения с участием частного собственника земельного участка [11, с.84-88].

Кроме того, право постоянного (бессрочного) пользования и право пожизненного наследуемого владения существуют только в

отношении государственных и муниципальных земель, а по кругу субъектов, которые могут иметь земельные участки на таком праве, они существенным образом ограничены – основная масса частных собственников зданий, сооружений и иных объектов недвижимости полностью лишена возможности приобрести земельный участок на рассматриваемых видах ограниченных вещных прав, что для развитого гражданского оборота страны является ненормальным. Наконец, эти термины не вписываются в общемировую цивилистическую практику, их невозможно грамотно перевести на большинство мировых языков (в силу отсутствия в этих странах подобных правовых аналогов), в связи с чем, необходимо отказаться от их использования и в РФ.

Представляется, что одной из основных функций гражданского права является объективное отражение и регулирование экономических процессов в конкретном государстве. Если государство ставит целью построение коммунизма – тогда совершенно логично выглядят идеологически обусловленные виды прав на имущество и наименования юридических лиц (колхозы). Однако если в Конституции страны провозглашено развитие рыночной экономики – виды вещных прав на имущество (включая земельные участки) должны быть другими. Именно это обстоятельство и обуславливает вывод о том, что терминология (и отображаемые ею правовые процессы и процедуры) в современной России и странах постсоветского пространства нуждаются в трансформации, для чего подходит опыт стран ЕС, традиционно предусматривающих достаточно широкий спектр ограниченных вещных прав. При этом следует поддержать позицию Н.Ю. Рассказовой, полагающей, что, несмотря на существующий в России неизбежный процесс заимствования частноправовых норм, действующих в европейских странах с развитой рыночной экономикой, тем не менее, любая вырванная из контекста своей правовой системы норма может утратить эффективность и способна дать результат, прямо противоположный ожидаемому [12, с.2-3]. Для того, чтобы обеспечить успех реформы, обратимся к теории вопроса.

Европейский опыт правового регулирования вещных прав нашел свое отражение в Концепции совершенствования

гражданского законодательства, состоящей из пяти частей, разработанной Советом при Президенте России по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства в соответствии с Указом Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации». Одна из этих пяти частей - Концепция развития законодательства о вещном праве [11, с.84-88] содержит краткий анализ действующего законодательства о суперфиции, эмпфитевзисе и узуфрукте и ряд предложений по их законодательному развитию.

Как отмечают авторы Концепции, речь не идет о заимствовании готовых европейских конструкций и моделей, а, скорее, об использовании их как базовых прототипов, показавших свою жизнеспособность применительно к регулированию земельных отношений в рыночной экономике. Поэтому в ней предложено закрепить две базовые модели вещных прав на земельные участки и иные природные объекты: право суперфициарного типа, предполагающее для его обладателя возможности по изменению свойств и качеств земельного участка, в первую очередь по возведению на нем различного рода зданий, сооружений; право по типу эмпфитевзиса, предоставляющее его обладателю широкие возможности использования свойств и качеств земельного участка без его застройки. Первое из названных ограниченных вещных прав может быть предоставлено в случае, когда лицу необходимо использовать земельный участок не для производства сельскохозяйственной продукции или использования иных природных свойств и качеств земли, а для строительства на нем различного рода объектов и их последующей эксплуатации.

Право постоянного владения и пользования (эмпфитевзис) может найти применение в первую очередь для использования земельного участка тем или иным субъектом для обработки земель, ведения сельскохозяйственного производства (как в коммерческих, так и в некоммерческих целях). Таким образом, целью введения этого вещного права является предоставление земельного участка для осуществления деятельности, которая связана с использованием природных свойств и качеств участка (в том числе создания ООПТ).

Под суперфицием в Концепции предлагается понимать вещное право, на основании которого лицо будет использовать земельный участок для строительства на нем различного рода объектов и их последующей эксплуатации. Такое право будет платным (плата устанавливается соглашением сторон, минимальный размер платы может устанавливаться законом), срочным (до 199 лет, но не менее 50 лет, установленный сторонами срок, по общему правилу, не подлежит продлению). Данное вещное право возникает на основании договора, может переходить в порядке правопреемства, а также может обременяться.

Появление такой Концепции, направленной на унификацию терминологии в области ограниченных вещных прав, можно только приветствовать, хотя основанный на ней законопроект о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ, к сожалению, так и не был принят Государственной Думой РФ. Однако, являясь сторонником такой унификации, считаю необходимым констатировать, что эта модель требует корректировки, т.к. не учитывает тот правовой контекст (традицию), в котором предстоит реализовывать предлагаемые новые ограниченные вещные права. Приведу лишь несколько примеров:

1) в Концепции указывается, что суперфиций - это право срочное - до 199 лет, но не менее 50 лет. С точки зрения российского менталитета и правовой традиции, установление сроков, превышающих срок жизни человека, не имеет смысла. Аналогичным образом, и юридические лица за 50 лет пройдут не одну реорганизацию. Таким образом, перед нами типичное бессрочное ограниченное вещное право, которое искусственно предлагают сделать срочным. Поэтому я предлагаю не устанавливать сроков этого вещного права.

2) гибель построенного на земельном участке имущества, согласно Концепции, не является основанием для прекращения такого права, а истечение срока является основанием для прекращения права; по окончании права застройки все строения, сооружения вместе с земельным участком остаются у собственника земельного участка без какой-либо компенсации суперфициару. При таком подходе остается открытым вопрос о юридической судьбе построенной недвижимости. Получается, что

правообладателя недвижимости, построенной и функционирующей 50 и более лет, можно лишить земельного участка после истечения срока. Такое предложение есть произвол с определенной коррупционной составляющей, т.к. в большинстве случаев земельный участок будет государственным.

3) обладатель суперфиции может возводить строения, изменять их, сносить и возводить новые, пределы осуществления этих действий зависят от условий договора с собственником земельного участка. Это нарушит требования Градостроительного кодекса России, согласно которым определение (изменение) параметров и видов разрешенного строительства регулируется градостроительными регламентами. Передача подобных функций собственнику земельного участка парализует систему городского управления.

В заключении следует отметить, что авторы Концепции полагают, что существующие право пожизненного наследуемого владения и право постоянного (бессрочного) пользования должны быть сохранены без установления срока, на который они сохраняются, и без изменения их содержания, но они не должны возникать в будущем.

С этим подходом трудно согласиться, поскольку правовые термины и процедуры рыночной экономики не могут мирно сосуществовать с идеологическими конструкциями бывшего СССР. Другое дело, что устанавливать короткие сроки для обязательного переоформления не следует, поэтому переходный период неизбежен. Реализуемые в этот период меры должны способствовать быстрому переходу к новым вещным правам.

В отличие от частного права, где возможности международного сотрудничества довольно ограничены, в публичном праве существуют сотни международных договоров, посвященных общей стратегии выживания человечества, в том числе и по вопросам охраны окружающей среды. Говоря о терминологии и отображаемых ею правовых процедурах, следует заметить, что ситуация здесь довольно неоднозначная. Во-первых, по очень многим вопросам международное сообщество пришло к консенсусу относительно того, какие объекты природы следует охранять и какими способами. Типичным примером тут может являться Рамсарская конвенция. Аналогичным образом,

участники Парижского соглашения по климату (вступило в силу 4 ноября 2016 г.) обсуждали конкретные меры, направленные на удержание роста глобальной средней температуры, а не спорили о том, что такое климат.

Во-вторых, по многочисленным актуальным вопросам охраны окружающей среды в современном международном экологическом праве нет соглашений, поскольку для этого (кроме отсутствия политической воли) нет также и правовых (терминологических) предпосылок. Например, в России и странах ЕС не совпадает перечень особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Так, если мы сравним виды ООПТ в России и Республике Словакия, то обнаружим, что в Словакии выделяется десять видов ООПТ: охраняемая ландшафтная зона; национальный парк; охраняемая территория; природный заповедник, национальный природный заповедник; памятник природы, национальный памятник природы; охраняемый элемент ландшафта; охраняемая территория птиц; общая охраняемая территория [13]. В РФ на федеральном уровне выделено семь видов ООПТ: государственные природные заповедники; национальные парки; природные парки; государственные природные заказники; памятники природы; дендрологические парки, ботанические сады.

Даже при беглом сравнении можно заметить, что система ООПТ Республики Словакия включает в себя такую разновидность, как «охраняемая территория птиц», не имеющую аналогов в России. Места обитания мигрирующих видов птиц, в частности области их гнездования, размножения, зимовки, а также места отдыха на их миграционных маршрутах и места обитания видов птиц европейского значения, могут быть в целях обеспечения их выживания и размножения объявлены в Словакии охраняемыми территориями. Природоохранные органы Словакии разрабатывают национальный перечень предлагаемых охраняемых мест обитания птиц, который утверждается постановлением Правительства Словакии. После его утверждения, этот список орнитологических территорий направляется в Европейскую комиссию. В России охране птиц не посвящены специальные законы, и для них не существует специальной разновидности ООПТ. Соответственно, если политическое руководство России и Словакии (или России и

ЕС) решит заключить международный договор об охране перелетных птиц, то сделать это будет весьма затруднительно ввиду несовпадающей терминологии и законодательных конструкций ООПТ.

Однако еще более наглядно эта проблема видна на примере несовпадающей терминологии и вытекающих из нее правовых процедур применительно к противодействию экологическому терроризму. Данная проблема является сегодня центральной в политической повестке дня стран Европейского Союза, России и США. Постоянное совершение террористических актов, влекущих человеческие жертвы, позволяет говорить о неэффективности существующих мер по предупреждению преступлений террористической направленности, а также необходимости поиска новых способов борьбы с терроризмом, экстремизмом и радикализмом, включая их новые виды и формы, связанные с воздействием на окружающую среду. Рост городов и усложнение технологий упрощают террористам задачу совершения ими тяжких и особо тяжких преступлений с помощью воздействия на природные объекты, и потому статистика фиксирует немногочисленные удачные (распыление отравляющего газа зарин Аум Сенрикё в токийском метро) и многочисленные неудачные такие случаи (попытка подрыва террористами 21 июля 2010 г. Баксанской ГЭС в Республике Кабардино-Балкарии (Россия); размещение чеченскими террористами контейнера с радиоактивным цезием-137 в Измайловском парке г. Москвы в 1995 г. и т.д.). Между тем, успешному международному сотрудничеству в противодействии экологическому терроризму препятствует не только отсутствие надлежащей политической воли (и нормативной правовой базы), но также и отсутствие единства в понимании данной категории.

В России под «экологическим терроризмом» понимается разновидность обычного терроризма, связанного с приведением в действие взрывных и иных устройств, человеческими жертвами, имущественным ущербом, направленного на запугивание населения и оказание давления на органы публичной власти. В других странах мира такой термин также присутствует. Несмотря на то, что существование экологического терроризма не вызывает у большинства

ученых или политиков особых сомнений, его понятие и элементы до сих пор окончательно не сформулированы. В международных актах хорошо проработано понятие «терроризм», а также достаточно часто упоминаются признаки «технологического терроризма», «биологического терроризма», «химического» или «ядерного терроризма». Однако признаки экологического терроризма как родовой по отношению к упомянутым выше видам категории приходится выводить косвенно из ряда фрагментарных нормативных упоминаний. Представляется, что экологический терроризм - это одна из разновидностей преступлений террористической направленности, имеющая целью устрашение населения и оказание давления на органы публичной власти путем посягательства на качественное состояние окружающей среды в целях негативного воздействия на жизнь, здоровье и имущество граждан посредством уничтожения (повреждения) необходимых для поддержания жизнеобеспечения населения технологических объектов, объектов использования атомной энергии (включая места хранения радиоактивных веществ и источников радиоактивного излучения), а также использования представляющих опасность для жизни и здоровья человека химических или биологических веществ.

К числу основных отличий экологического терроризма от других видов терроризма следует отнести объект воздействия террористов - состояние окружающей среды, которое подвергается быстрой атаке, а, в свою очередь, загрязненная окружающая среда уже негативно воздействует на жизнь и здоровье граждан, а также объекты дикой и домашней флоры и фауны. Между тем в США, Канаде, странах Европы наиболее часто используется понятие «ecological terrorism», под которым понимаются действия радикальных экологических организованных групп и преступных сообществ, уничтожающих меховые и кожаные изделия, выпускающих из клеток экспериментальных и сельскохозяйственных животных, угрожающих «убийцам животных», взрывающих их машины и т.д.

В России это явление также фиксируется (хотя и в меньшем масштабе, чем в США), однако «терроризмом» оно не называется, поскольку не направлено на дестабилизацию деятельности органов власти или воздействие на принятие ими решений. Чаще всего данные

радикальные действия квалифицируются как хулиганство либо как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества. В связи с этим, необходимо обсудить теорию и практику российского уголовного права, в котором предусмотрено несколько составов преступлений для деяний, именуемых в США и других странах «ecoterrorism». Думается, что такие преступления следует объединить в одну группу под названием «экологический радикализм» - то есть негативное отношение отдельных субъектов (их групп) к различным явлениям и процессам, которые, по их мнению, способствуют ухудшению экологической ситуации. Экологический радикализм проявляет себя в организации незаконных и насильственных акций, направленных против виновников, в том числе, предполагаемых, экологических правонарушений и преступлений. Представители экологического радикализма используют крайние, весьма решительные и противоправные средства для того, чтобы привлечь внимание общественности на наиболее актуальные и болезненные экологические проблемы [14, с.239-240]. В мировой научной литературе довольно подробно исследованы как состав радикальных экологических организованных групп и преступных сообществ, их идеология, так и конкретные случаи осуществления ими поджогов, угроз, уничтожения (порчи) чужого имущества, «освобождения» сельскохозяйственных и экспериментальных животных из клеток (что широко представлено в ЕС, России и США), нападений на лиц, носящих изделия из меха и кожи животных, а также иные подобные «акции». Подробно перечислять их нет особого смысла, поскольку это уже сделал Дональд Лиддик, осуществивший анализ структуры, истории, философии экологических радикалов и обзор совершенных ими по экологическим мотивам преступлений [15].

Данный анализ позволяет утверждать, что экологический радикализм имеет ряд существенных отличий от любых преступлений террористической направленности, что позволяет нам говорить о необходимости четкого разграничения данных понятий.

Представляется, что отождествление экологических радикалов и террористов вводит общественность в заблуждение, дает ей ложный объект для критики, ненависти и преследования, вместо того, чтобы концентрировать ее

внимание на противодействии настоящему терроризму. Поэтому объективно ограниченные ресурсы государства не должны расходоваться приоритетным образом на преследование экологических радикалов, общественная опасность деятельности которых носит ограниченный характер. Тот факт, что стало публично приемлемо проводить сравнения между группами защиты прав животных и Талибаном, означает, что дело зашло уже слишком далеко [16, с.67]. Соответственно, до тех пор, пока представители юридической науки не смогут обосновать необходимость разграничения этих двух явлений (экологического терроризма и радикализма), и не смогут убедить в этом органы политической власти, заинтересованные в борьбе с терроризмом, эффективное международное сотрудничество будет затруднительно в силу формальных обстоятельств, не относящихся к отсутствию политической воли государств.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что между Россией и странами ЕС и США существуют значительные терминологические расхождения по очень многим вопросам частного и публичного права, что мешает движению капиталов и международному сотрудничеству по глобальным проблемам современности. В связи с этим, будет весьма полезным формирование единого правового пространства ЕС и РФ. При этом автор ни в коем случае не придерживается мнения, что все правовые процедуры и отображающая их терминология в ЕС и России должны быть совершенно одинаковы. Такую унификацию следует проводить с учетом специфики национальных правовых систем и с сохранением многих правовых конструкций, соответствующих требованиям времени. Вместе с тем, отказ от ряда архаичных правовых категорий будет уместен, равно как и конструктивный диалог о новых природоохранных правовых терминах. В свою очередь, для ЕС и США могут быть интересны разработки российских ученых и практиков в части разграничения экологического терроризма и радикализма, что смогло бы повысить эффективность борьбы с ними.

Список использованной литературы

1. Почему железнодорожная колея в России шире (дата обращения 29.12.2017) // <https://www.kakprosto.ru/kak-839506-pochemu-zheleznodorozhnaya-koleya-v-rossii-shire>
2. См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2001 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона города Москвы «Об основах платного землепользования в городе Москве» в связи с жалобой гражданки Т.В. Близинской» // СЗ РФ. 2001. № 52 (Часть II). Ст. 5014.
3. Певницкий С.Г. Актуальные проблемы вещных прав: институт права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками после принятия Земельного кодекса // Нотариус. 2004. № 1. С.23-25.
4. Гришаев С.П. Право пожизненного наследуемого владения // СПС «Консультант Плюс», дата обращения 29.11.2017.
5. Пандаков К.Г., Черноморец А.Е. Аграрно-земельная реформа: законодательство, теория, практика. 3-е изд. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2004. 480 с.
6. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград, 1917. М.: «Статут», 2003. 353 с.
7. Косолапов О.А. Земельный участок как объект вещного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 18 с.
8. Жабреев М.В. Публичные образования и их органы: гражданско-правовой статус и участие в гражданских правоотношениях // Цивилистические записки. Межвузовский сборник научных трудов. М., 2001. С.177-219.
9. Голубцов В.Г. Участие Российской Федерации в имущественных отношениях, регулируемых гражданским законодательством: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 55 с.
10. Земельный кодекс Кыргызской Республики от 30 апреля 1999 г. (в ред. от 25.07.2017) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30241294#pos=84;-815 (дата обращения 1.12.2017).
11. Концепция развития законодательства о вещном праве. М., 2009. 143 с.
12. Модельные правила европейского частного права / пер. с англ. / научный редактор Н.Ю. Рассказова. М., 2013. 992 с.
13. См. § 17 Закона Республики Словакия от 25 июня 2002 г. № 543/2002 Z. z. «Об охране природы и ландшафта» // <https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/2002/543/20171101.html#paragraf-19> (дата обращения 30.11.2017)
14. Основы теории национальной безопасности: учебное пособие / отв. ред. Е.А. Матвиенко. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2012. 320 с.
15. Liddick D. Eco-Terrorism: Radical Environmental and Animal Liberation Movements. Westport, Connecticut, Praeger Publishers, 2006. 300 pp.
16. McCoy K.E. Subverting justice: an indictment of the animal enterprise terrorism act // Animal Law. 2007. Vol. 14. P. 53-70.

References

1. Why the railway track in Russia is wider (accessed 29.12.2017) // <https://www.kakprosto.ru/kak-839506-pochemu-zheleznodorozhnaya-koleya-v-rossii-shire>
2. See, for example: decision of the constitutional Court of the Russian Federation of December 13, 2001 № 16-P “On business about check of constitutionality of part two article 16 of the law of the city of Moscow “About bases of paid land tenure in Moscow” in connection with the complaint of citizen V. T. Blizinski” // Collected legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part II). St. 5014.
3. Pevnitskii S.G. Actual problems of property rights: the Institute of the right of permanent (perpetual) use of land following the adoption of the Land code // Notary. 2004. No. 1. P. 23-25.
4. Grishaev S.P. Right of lifetime inheritable possession // Reference legal system “Consultant Plus”, accessed 29.11.2017.
5. Pandakov K.G., Chernomorets A.E. Land and Agrarian reform: legislation, theory and practice. 3rd edition. Saratov: “Nauchnaya kniga”, 2004. 480 p.
6. Pokrovsky I.A. Main problems of civil law. Petrograd, 1917. M.: Statut, 2003. 353 p.
7. Kosolapov O.A. Land as an object of property law: abstract of the thesis of candidate of legal sciences. M., 2008. 18 p.
8. Jabreev M.V. Public education and their bodies: civil status and participation in civil legal relationship // Civil notes. Interuniversity collection of scientific works. M., 2001. P. 177-219.
9. Golubtsov V. G. Russia’s role in property relations regulated by civil legislation: abstract of the thesis of doctor of legal sciences. M., 2008. 55 p.
10. The land code of the Kyrgyz Republic from April 30, 1999 (as amended from 25.07.2017) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30241294#pos=84;-815 (accessed 1.12.2017).
11. The concept of development of legislation on property law. M., 2009. 143 p.
12. Model rules of European private law / per. from English / Scientific editor N. Yu. Rasskazova. M., 2013. 992 p.

13. See § 17 of the Law of the Slovak Republic of 25 June 2002 No. 543/2002 Z. z. "On the protection of nature and landscape" // <https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/2002/543/20171101.html#paragraf-19> (accessed 30.11.2017)
14. Fundamentals of the theory of national security: textbook / ed. ed. by E.A. Matvienko. Volgograd: Volgograd Academy of the interior Ministry of Russia, 2012. 320 p.
15. Liddick D. Eco-Terrorism: Radical Environmental and Animal Liberation Movements. Westport, Connecticut, Praeger Publishers, 2006. 300 p.
16. McCoy K. E. Subverting justice: an indictment of the animal enterprise terrorism act // Animal Law. 2007. Vol. 14. P. 53-70.